

Ю.П. Взоров: Енисейск - моя судьба. ВОСПОМИНАНИЯ О МИНУВШЕМ

У научных сотрудников Енисейского краеведческого музея существовала замечательная, но не всегда благодарная задача, заключающаяся в работе с непосредственными носителями минувшей эпохи - людьми. При этом не стоит забывать, что интервьюированные личности весьма разные, а воспоминания не всегда могут граничить с реальными событиями, но одно оставалось важным - это расширение исторической базы сведений о городе, её сохранение и возведение на страницы просветительства, ибо носителей живой истории Енисейска с годами становится всё меньше.

Окончание, начало в №5
Напротив типографии располагалась дизельная электростанция, работа которой притягивала мальчишек.
 - *И всё же, самые глубокие воспоминания детства у вас связаны с улицей Иоффе?*

- Могу сказать с уверенностью, что всё моё детство прошло на Иоффе. Данная улица тогда являла собой сплошной травяной ковёр, по середине которого лежала старая конная дорога, обильно посыпанная пылью. Иногда ещё это «зелёное царство» пересекали узкие тропки, тянувшиеся от кособоких заборов. На этой улице я впервые увидел армейские грузовики - ленд-лизовские «Студбекеры». Три машины однажды днём прошли по улице, взметнув клубы пыли. Такие грузовики для Енисейска тогда были редкостью.

- *Такой она для вас оставалась и в студенческие годы? Поведайте о них.*

- После школы я учился в Железнодорожном училище Красноярска. Само собой, что студенческие впечатления, связанные с Енисейском, немного иные, более взрослые, что ли...

Енисейск для меня был городом уюта, тепла. Он этим притягивал. В период моего обучения в Железнодорожном училище удавалось выехать домой на так называемом грузотакси. Это довольно импровизированный вид транспорта. Дело в том, что автобусов тогда рейсовых не хватало, а то и просто не было и вместо них посылали обычные грузовики с тентом. Теперь представьте себе зимнее время года, когда кузов машины промерзал, а народу ехало всегда много. Публика набивалась всякая и в таком положении мы обычно тряслись часов до двенадцати.

- *Но ведь вы не имели педагогического образования? Каким образом вам позволили преподавать в школе?*

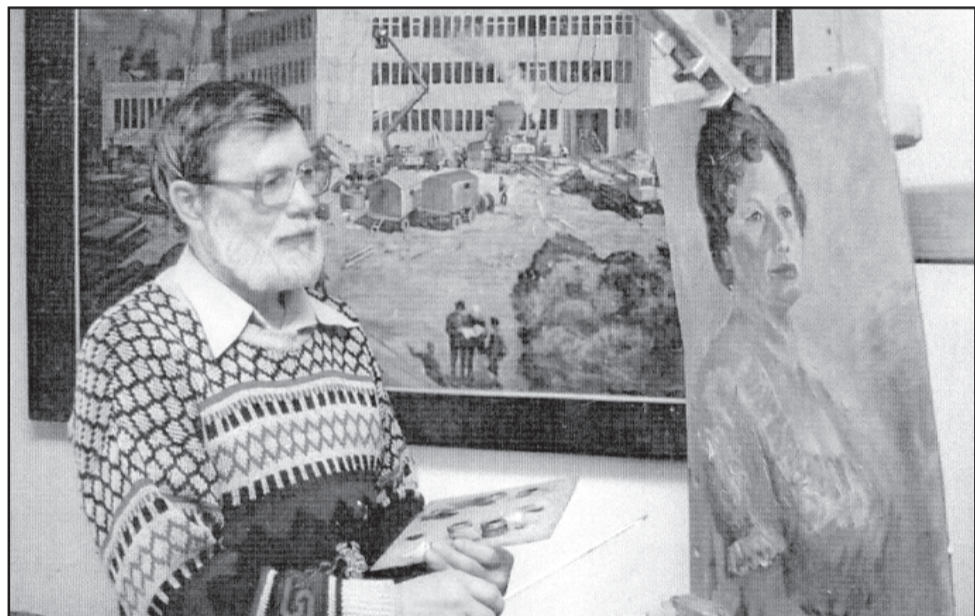
- Дело в том, что в тот момент не хватало кадров педагогических сотрудников. Так как у меня были зачатки музыкального образования и, к тому же, я уже учился в университете им. Крупской. Всё это позволило мне преподавать. В школе проработал до 1968 г. В этом же году получил предложение от военкомата. Новое моё занятие заключалось в работе с призывниками и беседой с их родителями. В этой сфере проработал я два года, при этом, вынужден сознаться, что работа мне не нравилась...

- *Юрий Петрович, скажите, когда вы*

в начале 1970-х связал свою служебную деятельность с енисейским ПДУ (Производственно-Дорожный Участок - прим. авт.), там я рисовал дорожные знаки. Деятельность, конечно, не совсем творческая, но тем не менее. Затем ПДУ переименовали в ДРСУ. Там я проработал до 1985 г. В этом же году я переехал в Лесосибирск. Затем состоялась моя встреча с художником Верещагиным, работавшим на тот момент в Северных сетях, где довелось вскоре поработать и мне. В Лесосибирске прожил до 1998 года, там вышел на пенсию.

- *Как вы переживали трудный для страны период - начало девяностых?*

- Это время я встретил

порог щедро натопленной избы и обнимешь мать... Пожалуй, многого не передать словами.

- *Итак, вы стали студентом. Насколько стремительно развивались события далее?*

- После Железнодорожного училища была армия, после которой обучался в музыкальном училище в том же Красноярске, находившееся на ул. Сурикова. Его закончить не удалось. К этому времени я был женат, а вскоре родился сын Игорь. Жили мы на тот момент на ул. Дударева. Тогда же подрабатывал в школе №43, преподавая музыку, рисование и физкультуру. Это отнимало много времени, поэтому серьёзно заниматься музыкой, как того требовала программа, не получалось. Вскоре я заочно поступил в Народный университет им. Крупской в Москве - отсылал свои работы, рисуя по ночам, получая взамен наставления и рекомендации.

ощутили, что студенчество позади и пора находить свою собственную стезю?

- В 1970 году произошёл своеобразный поворот в моей жизни. Теперь я уже твёрдо знал, что дальнейший мой путь будет связан с творческой деятельностью, а именно - живописью.

В этом году я начал трудовую деятельность в Энторге, где незадолго до моего прихода уволился штатный художник В. Одинцов. Дебют мой в качестве штатного художника Энторга прошёл успешно, и затем начались обыкновенные будни: вывески, афиши, плакаты... Но и здесь я задержался не надолго, вскоре появилась перспектива перейти в Северный Леспромхоз. Там я занимался тем же. Только поменялась тематика моих плакатов: их героями стали суровые лесорубы да сама тайга. Леспромхозу я отдал года четыре.

в Лесосибирске, был долгое время безработным. Это было время расцвета местных кооперативов, но ни в одном из них себя я не нашёл. Потом, как говорил, вышел на пенсию, а в начале двухтысячных снова вернулся в Енисейск, по которому всегда скучал. Енисейск, видно, - моя судьба.

- *Давайте поговорим о творческой составляющей вашего жизненного пути. Ведь формирование вас как художника шло параллельно обыденной работе? Когда вы впервые услышали о творческом объединении «Енисей»?*

- Знаете, это развивалось у меня со школы. Особое тогда впечатление на меня произвёл Александр Иванович Дарвин. Вспоминаются его уроки рисования и то, как он умел захватить своим предметом класс. На уроке у Дарвина стояла тишина и это была

АВТОР ЮРИЙ РОМАШКОВ

тишина творческая. Его часто можно было увидеть на берегу, пишущего ледоход или утренний туман. Его не останавливало ничто: ни ветер, ни дождь, ни морозы...

По-настоящему к деятельности общества приобщился, работая в школе. Со временем у меня появилась возможность водить учащихся в Городской Дом культуры, где и выставлялись представители данного объединения. Постепенно складывались отношения с его участниками. Среди всех по-своему интересной фигурой являлся Н. Ф. Дорогов. С ним я впервые отправился на этюды на противоположный берег Енисея. Затем состоялось знакомство с Лебедевым, который, на мой взгляд, был хорошим организатором и художником.

Став полноправным членом организации, я в составе общей группы ездил на этюды, в коллектив вошёл сравнительно легко, но этому располагала сама атмосфера внутри него...

- *Не могли ли вы в таком случае, побольше рассказать о данной атмосфере? Ведь среди творческих людей нередко возникают творческие или идейные разногласия...*

- Атмосфера была дружелюбная. Да, я не ошибусь, если скажу, что мы вдохновляли друг друга. Конечно, время от времени возникали конфликтные ситуации, но это было редкостью. Представьте себе людей, горевших искусством. Ведь каждый семинар, проходивший то в Енисейске, то в Плотбище, то в Лесосибирске, раз за разом всё больше вдохновлял. Какие это были люди! Собрания и семинары действительно отличались всплеском художественного единства, спорами об искусстве или мероприятии...

- *А затем произошло разделение общества...*

- Да, со временем в Ле-

сосибирске так же появилось своё общество художников, в котором уже доминировала молодёжь: Фуфачёв, Ким и другие. При этом художник Рудольф Карлович Букулит ездил к нам и занимался у себя. Общества между собой контактировали, неоднократно организовывались совместные выставки как в Лесосибирске, так и в Енисейске.

- *Расскажите о своей первой персональной выставке.*

- Моя первая персональная выставка состоялась в 1972 году. Произошло это во многом благодаря Николаю Фёдоровичу Дорогову в Доме культуры. Работ у меня было немного - всего штуки четыре. Дорогов тогда, что называется, меня «протолкнул», придал уверенности. Одновременно эта выставка и послужила началом моего творческого пути в составе объединения «Енисей».

- *Юрий Петрович, в заключение, пожалуй, привычный для человека творческий вопрос: что есть вдохновение?*

- Это порыв. Это чувство я испытывал много раз... много раз его испытывали и другие товарищи из нашего объединения. Вот, например, как работал Букулит. Приехали мы в Ворогово на этюды, где остановились в ремонтирующейся школе. От холода на полу стелили газеты, на улице всю ночь жгли костёр. Рудольф Карлович ждал рассветной поры, чтобы запечатлеть туман. Я его увидел уже в работе. Он писал в таком порыве все проявления этого тумана: как он плотен, как сквозь него начинает проступать контур берёзы, как он исчезает вовсе... Я посмотрел на него и казалось, что он не видит вокруг себя более ничего. Он был в своём мире, прекрасном мире!

- *Спасибо.*
 Записал научный сотрудник фондов ЕКМ РОМАШКОВ Ю.В. при участии ШЕТИНИНА А.С.